

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ

— Нет, — говорил генерал, показывая спутнику своему тонкий орлиный профиль, — невоенный человек даже и понять не может, что значит настоящая воинская дисциплина. Вот — и вам небось приходилось слышать — часто говорят, что дисциплина должна быть сознательная. А вы знаете, почему-то не люблю я этого слова. Что значит — сознательная дисциплина? Сознательным должен быть боец. А дисциплина — всегда одна... Дисциплина, если хотите, это что-то вроде шестого чувства, которое, вместе со вкусом, слухом и зрением, присуще каждому настоящему солдату. И уж как ты ее там ни называй — сознательная или бессознательная, — а если ты ее нарушил, дисциплину, — я тебя в полном сознании и без зазрения совести под арест закатаю, а еще нарушил — так и голову сниму, не пожалю...

«Эге-ге, — подумал собеседник генерала. — Да ты, я вижу, дядя сердитый. Попадись такому в недобрый час — ведь он, пожалуй, и в самом деле без головы оставит».

Генерал инспектировал войска, которыми он командовал. Три дня провел он в частях, на передовых линиях, и все эти три дня ни на шаг не отставал от него молодой, но уже известный писатель, приехавший из Москвы с поручением от большой столичной газеты. Теперь, темным и непогожим осенним вечером, они возвращались в штаб дивизии. Новенький трофейный «Опель», похожий на короткую сигару, а еще больше — на вытянутое гусиное яйцо, на самой бешеной скорости и все-таки почти бесшумно мчался по гудронированному прифронтовому

шоссе. Писатель, который с непривычки страшно устал, промерз и проголодался, сидел в углу, откинувшись и прижимаясь затылком к мягкой, приятно-пружинистой обивке кабины. Слушая генерала внимательно и даже почтительно, он все-таки то и дело стискивал зубы, чтобы не зевнуть, и с надеждой поглядывал через голову шофера на дорогу — не мелькнет ли там, наконец, хоть какой-нибудь огонек, не запахнет ли дымом и не покажется ли что-нибудь похожее на человеческое жилье. Но впереди, на дороге, не было ничего, кроме дождя, мрака, блестящих дождевых луж и угольно-черного, мрачно сверкающего под приглушенным и укороченным лучом автомобильного прожектора сырого гудрона. Изредка выскакивала откуда-то свесившаяся над дорогой облетелая ветка с одиноким кленовым или буковым листом, мелькал на секунду полосатый километровый столб или придорожный каменный крест, — и опять ничего, кроме тьмы, дождя и беспрерывно бегущего впереди, колыхающегося и дрожащего пятна света. Но вот в этом светлом пятне мелькнули какие-то человеческие фигурки. Писателю показалось, что он разглядел даже ружья у них в руках. И почти тотчас же резкая, пронзительная трель свистка заставила его пригнуться и зажмурить глаза.

— Стой! — услышал он голос генерала.

Но шофер или не расслышал приказания или просто не мог остановить разбежавшуюся машину, — «Опель» продолжал лететь на прежней скорости.

Над головой писателя что-то звякнуло, треснуло и рассыпалось. В то же мгновение он почувствовал, как чья-то цепкая рука схватила его за шиворот и с силой бросила на пол. Он не сразу сообразил, что сделал это генерал. Над головой опять щелкнуло. Потом он почувствовал сильный толчок. Ему показалось, что машина взлетела в воздух. Она и в самом деле проделала невероятный курбет: резко затормозив, шофер повернул ее на 180 градусов. Поднявшись на дыбы, «Опель» описал в воздухе дугу и грузно шлепнулся передними колесами в дождевую лужу.

Генерал, а за ним и писатель выскочили из машины. Громко стуча каблуками по гудрону, кто-то уже бежал им навстречу. Че-

рез минуту из темноты выступили две серых шинели. Два красноармейца с автоматами наперевес, один впереди, а другой несколько отставая, приближались к машине.

Генерал нетерпеливо шагнул им навстречу.

— Кто такие? — рявкнул он таким угрожающим басом, что писатель, который и без того успел натерпеться страху, вздрогнул и отшатнулся.

Бойцы со всего разбега остановились, подровнялись и вытянулись перед генералом во фрунт.

— Так что, товарищ генерал-майор, — высоким срывающимся голосом начал один из них, молодой, щеголеватый, с сержантскими полосками на погонах, — бойцы сторожевого охранения четвертого батальона сто двадцать седьмого...

— Это кто стрелял? — перебил его генерал.

— Это я стрелял, товарищ генерал-майор, — негромко ответил, выступая вперед, второй боец, немолодой, худенький, некрасивый, с заляпанным грязью бледным небритым лицом. Он тяжело дышал, и, когда говорил, губы у него вздрагивали.

— Вы что ж это, черт вас возьми, вздумали тут ночью пальбу открывать?!

— Согласно приказа, товарищ генерал-майор, — еще тише ответил солдат, и губы у него опять задрожали.

— Согласно приказа вы мне все стекла в машине вышибли?

— Я свистел, товарищ генерал-майор, — машина не остановилась. Дал предупреждающий — тоже...

— Вы видели, что это моя машина?

Солдат на секунду запнулся и ответил:

— Так точно. Видел, товарищ генерал-майор. Я вашу машину хорошо знаю.

— И все-таки стреляли мне в спину?

— И все-таки... да, стрелял, товарищ генерал-майор. Согласно приказа.

— А вы знаете, что вы, между прочим, чуть писателя не убили? Вы читали такого-то?

— Никак нет. Не читал, — ответил боец, переступив с ноги на ногу и покосившись в сторону писателя.

— Ваша фамилия? — сказал генерал.

— Первого взвода четвертой роты четвертого батальона сто двадцать седьмого гвардейского Краснознаменного Ворошиловградского стрелкового полка ефрейтор Метелкин.

— Можете быть свободны, — сказал генерал и, отворив дверцу кабины, пригласил писателя садиться. — Ведь вот метелка такая, — проворчал он, когда машина, сделав разворот, снова помчалась по шоссе. — Ведь вы посмотрите, — он же мне фуражку насквозь продырил.

И генерал протянул писателю фуражку, чтобы тот пощупал. Писатель нащупал дырку, поежился, глухо кашлянул и сказал,

что в конце концов фуражку можно и купить и починить, а вот с головой это сделать было бы, пожалуй, несколько труднее. Генерал ничего не ответил, надел фуражку и всю остальную дорогу молчал.

Когда они добрались наконец до штаба, он, не задерживаясь, поднялся на второй этаж и приказал адъютанту разбудить дежурного писаря. Через минуту явилась заспанная рыженькая девушка в светлой застиранной гимнастерке.

— Будьте любезны отпечатать приказ, — сказал ей генерал.

Девушка села за пишущую машинку, подышала на руки и приготавливалась печатать.

— Приказ по дивизии.

Пальцы девушки забежали по клавишам.

— Ефрейтору сто двадцать седьмого гвардейского Краснознаменного Ворошиловградского стрелкового полка Метелкину... оставьте место для имени-отчества... объявляю благодарность за добрую службу и верное понятие о воинском долге. Двадцать девятого сентября сего года, находясь в сторожевом охранении своей части, ефрейтор Метелкин... имя-отчество...

Машинка неторопливо стрекотала. Генерал ходил по комнате, поглаживая свою седеющую голову, и продолжал не спеша диктовать слова приказа. А московский писатель, стоя в углу, раскуривал трубку и с удивлением поглядывал то на генерала, то на его фуражку, брошенную на подоконник.

«Ну, нет, — думал он, — где уж тут, в самом деле, невоенному человеку понять, что значит настоящая воинская дисциплина!»

Русский характер [текст]: рассказы, повесть о войне: [6+]/ Л. Пантелеев, Л. Кассиль, А. Толстой и др.; художник Г. Мацыгин. - Москва: РОСМЭН, 2015. - 128с.: ил.

